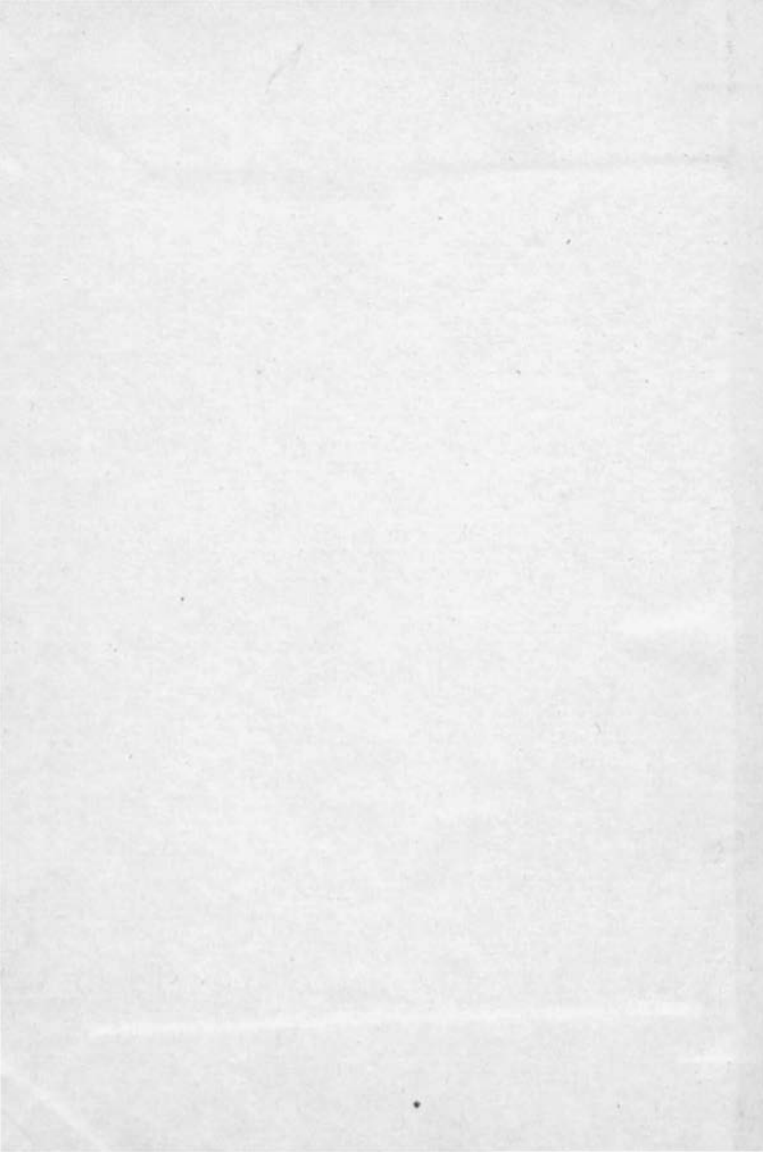

W 286
298

✓ 286
298

ЛЕНИН

и
КОМСОМОЛЬЦЫ

В 298
В 298
201-8
4330

ЛЕНИН

И

КОМСОМОЛЬЦЫ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД—1924.

Отпечатано в 3-й тип.-лит.

„ТРАНСПЕЧАТИ“

Петровка, Салтыковский, 9.

Тираж 10000.

Главлит 18296.

2011122014

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. № №	№ № списка и порядковый	1952 г
2							689 159	

99

W

Лазарь Шацкий

ИЛЬИЧ И СОЮЗ

Вряд ли можно уже сейчас полностью определить роль, которую сыграл т. Ленин в развитии коммунистического юношеского движения в России и в других странах. Для этого у нас не хватает материалов, а кое о чем писать еще рано. Но к пятилетию союза мы можем напомнить несколько эпизодов из области личных отношений Владимира Ильича с нашей организацией, которые уже относятся к истории и которые имели большое значение в нашей работе. Прежде всего—через Владимира Ильича Комсомол впервые во всероссийском масштабе добился признания и поддержки партии. Как известно, до 1-го всероссийского съезда (октябрь—ноябрь 1918 г.) большинство союзов рабочей молодежи, политически и практически поддерживавших большевистскую партию, были формально от нее независимы, не имели чисто большевистских программ и названий, не находились в определенных организационных отношениях с партийными органами. 1-й всероссийский съезд соли-

даризировался с РКП, принял название „РКСМ“, но союз оставался организацией независимой. Медленно в процессе борьбы и работы происходило все больше сближение между партией и союзом. И тут громадную роль сыграло посещение президиумом I всероссийского съезда т. Ленина. В его описании, как оно мне вспоминается, неизбежны некоторые повторения, поскольку посещение это уже описывалось.

Не помню, кому первому пришла идея отправить делегацию к Ильичу. Эта делегация должна была заменить посещение съезда Ильичем, которое не состоялось вследствие его занятости. Организацию свидания взяла на себя Надежда Константиновна Крупская, которая всегда помогала нам в наших сношениях с Ильичем. Нам назначен был час приема с обозначением минут. Веселой гурьбой направился девятичленный Президиум в Кремль.

По дороге произошел знаменитый в истории I-го съезда инцидент с собакой, которую переехал автомобиль. По решению Президиума, т. Дугачеву пришлось пристрелить страдавшее и стонавшее животное. Этот инцидент с собакой, который произвел большое впечатление на прохожих и милицию задержал нас, и мы опоздали на несколько минут. В результате нам пришлось прождать часа два. Точность в распределении времени и работе, вот чему каждый комсомолец может научиться у т. Ленина. По дороге и в приемной мы строили всякого рода планы разговора с Ильичем. Так как мы все

шли к нему в первый раз, то дело представлялось нам не особенно простым. „Оратором“ был назначен т. Ефим Цетлин, который должен был кратко изложить положение движения и работы съезда. Мне было поручено отдавить ему ногу в случае если речь будет не вполне удачна.

Наконец, нас пригласили в кабинет Владимира Ильича.

Это та самая комната, светлая и просторная, с большим письменным столом и книжным шкафом, которая так часто изображается на снимках т. Ленина. Владимир Ильич встал нам навстречу и, соизмерив нашу многочисленность и малочисленность кресел, стал приносить стулья из соседней комнаты. С первых же слов и движений Ильича нас поразила его необыкновенная простота (вот тоже качество, „необходимое каждому комсомольцу, в особенности из „ученых“). Через минуту мы уже были в своей тарелке и чувствовали в Ильиче старшего товарища и друга.

Ефим Цетлин пытался было сказать свою речь, но из этого ничего не вышло. Ильич предпочел информироваться другим путем. Он заговорил одновременно со всеми девятью, ни разу не теряя нити разговора. Его интересовали не общие вопросы, а конкретные данные. Когда Цетлину удалось сказать с нашей точки зрения самое важное, о чем мы так долго спорили на съезде:—А мы решили переименовать союз в коммунистический,

Ильич ответил:

— Дело не в названии—И продолжал разговор о делах „маленьких“. Безыменского он спрашивал о владимирских богомазах, Женю Герр—о девушках в союзе и на съезде, Рывкина—о питерской молодежи и т. д.

Под натиском Ильича и давлением моей ноги Цетлин уже давно прекратил попытки сказать свою речь, а Ильич так ловко расспрашивал, что через 15 минут нам уже не о чем было рассказывать.

Мы явились к Ильичу без всяких практических предложений, с первосъездовским энтузиазмом и желанием осведомить его. Поэтому мы уже собрались уходить, когда он взял листок бумаги и написал покойному Якову Михайловичу Свердлову, лучшему организатору нашей партии, записку, в которой было подчеркнуто: партия должна поддерживать союз молодежи.

На этом кончилось наше свидание. Из практического вывода Ильича Свердлов сделал еще более практический и выдал нам без всяких разговоров, со свойственной ему деловитостью 30.000 рублей ценных для нас не только большой для тогдашнего времени суммой, но и как символ первой помощи партии новорожденному всероссийскому союзу. А записка Ильича у нас долго хранилась, как шутили наши товарищи, в качестве сильнейшего аргумента в повседневных отношениях с ЦК Партии, которые завязались несколько позже.

Ильич не только помог нам наладить нормальные отношения с партией, он определил и ос-

новные задачи и методы работы комсомола в своем известном докладе на третьем всероссийском съезде (октябрь 1920 г.).

Наш союз находился тогда в состоянии брожения. На почве общего кризиса в движении возникла дискуссия и склока с т. Дунаевским и обостренные споры с частью украинских товарищей. Положение в союзе было настолько серьезно, что ЦК уполномочил меня информировать Владимира Ильича о положении и одновременно просить его прочесть политический доклад на съезде.

Я изложил т. Ленину подробно точки зрения различных товарищей и спросил его мнения. И тут мне пришлось ознакомиться больше, чем во время всех предыдущих разговоров, с другой его чертой — осторожностью в обхождении с незнакомыми вопросами и нежеланием усложнить коллективное решение Цека Партии, выражением его личного мнения. В ответ на мой вопрос, Владимир Ильич прищурил глаз, усмехнулся и сказал:

— Уж Оргбюро разберет и решит.

Доклад он согласился прочесть. Ровно в 8 ч., согласно обещанию, он появился на съезде, давая пример остальным ораторам из „вождей“, которые большей частью своей неаккуратностью изматывают нервы председателям и участникам торжественных открытий и собраний.

Я предложил Владимиру Ильичу сейчас же предоставить ему слово для доклада о текущем моменте.

— Нет, о текущем моменте я читать не буду, — заявил неожиданно Ильич.

— То-есть, как?!

— Да так, надоело. Я буду читать о задачах союза молодежи или совсем не буду.

— Но ведь у вас никаких материалов не было.

— Не беспокойтесь.

Ильич вытащил из кармана большой лист бумаги, тщательно исписанный, доказывавший как серьезно он подготовил свой доклад. (Тоже пример которого не следует забывать).

Доклад его, в котором объясняются основы коммунистического воспитания молодежи, всем известен. Тогда он многими из нас не был достаточно оценен. Он ворвался диссонансом в ту атмосферу борьбы, которая царила на съезде. Но когда после, в особенности при составлении новой программы и при переходе к НЭП'у, мы стали серьезно думать над основными задачами союза и практическими выводами из них, доклад Ильича стал для нас основой нашей работы, нашей союзной библией. Ею он должен быть и сейчас для каждого сознательного комсомольца.

В заключение надо напомнить, что и в деле решения третьей серьезной задачи союза—его участия в Международной Юношеской Организации—нам помог Владимир Ильич.

В 1919 г. перед Берлинским конгрессом, на котором был основан коммунистический Интернационал Молодежи, РКСМ составил проект программы

и целый ряд предложений конгрессу, которые затем были приняты последним. Перед отъездом за границу я, как делегат РКСМ, пошел к Влад. Ильичу, чтобы изложить ему наши планы в отношении Юношеского Интернационала. Влад. Ильич еще во время войны имел связь с швейцарской и интернациональной организацией молодежи. И когда Влад. Ильич одобрил наши общие предположения о будущем КИМ'е, мы почувствовали себя увереннее и тверже в этой новой области нашей работы.

Он понимал всю громадную важность роли Юношеского Интернационала за границей и в России.

Так, в годы, когда еще заслуженные и старые члены нашей партии смотрели на РКСМ, как на дело малосерьезное, когда сам союз был еще слаб и неразвит, великий вождь революции личным участием помогал нам построить тот Комсомол, который празднует сейчас свое пятилетие и по праву считается гордостью партии и Республики. В свой юбилей комсомольская смена благодарит величайшего из старой гвардии.

Ф. Плясунов.

У ИЛЬИЧА В — СТО

1-го июля 1921 года — дважды исторический и для Комсомола и для рабочей молодежи день.

Во-первых, в этот день продолжает свою работу 2-й Конгресс Коминтерна молодежи.

Во-вторых, в этот же день мы идем с Дунаевским в Совет Труда и Оборона убеждать Владимира Ильича Ленина в правоте нашей, комсомольской, точки зрения, на сокращение подростков в промышленности.

Вы хотите знать, как и почему в этом вопросе мы дошли до Ильича? Извольте.

Еще с первых дней своего появления, НЭП щедрой рукой разбросал по Советской земле свой любезный и страшный подарок рабочим подросткам — массовое увольнение с фабрик, заводов и предприятий.

Май — июнь 1921 года превратили Центральный Комитет нашего Союза в настоящий, доподлинный, комиссариат рабочей молодежи по экономическим делам.

Не проходило дня, чтобы в ЦК не получали, из какой-либо рабочей организации союза, извещения об увольнении стольких-то или стольких-то сотен рабочих подростков. При чем все эти извещения обыкновенно заканчивались грозным требованием — принять необходимые меры для ослабления этого похода против подмастерья.

Для нас было очевидно, что если мы не введем увольнение подростков в правильное русло, то вся та большая работа по ликвидации политнеграмотности, которая к тому времени считалась уже почти налаженной в союзе, рухнет и в ближайшее время не восстановится, что еще больше углубило бы начавшийся к тому времени кризис Союза.

ЦК, под влиянием этих причин, забил тревогу.

Мне было поручено войти в немедленные переговоры с СТО и ВЦСПС по вопросу о создании специальной комиссии для разработки проекта постановления Совета Труда и Оборона — о порядке увольнения подростков.

В самом ЦК была выделена специальная комиссия из Дунаевского, Полифема и меня для составления этого проекта который должен был послужить материалом для создающейся по нашему предложению комиссии СТО и ВЦСПС.

Последняя была создана еще в конце июня и она-то и явилась виновницей нашего появления на заседании СТО 1-го июля 1921 года. Отсюда, и только отсюда, взяла свое начало та дерзкая

мысль, которую мы формулировали очень просто и легко:

— До Ильича дойдем, но ни одного пункта, ни одного слова из нашего проекта не уступим.

Как и надо было ожидать, почти все Наркоматы, участвовавшие в работах комиссии, не пожалели бумаги для рабочей молодежи по случаю ее тяжелого положения в связи с сокращением штатов и на первое же заседание явились с собственными проектами, являвшимися ни больше ни меньше, как выкидышами.

Наиболее важными и резко между собою по некоторым пунктам расходившимися проектами были — наш и ВЦСПС. Ясно было, что бой в комиссии возникнет исключительно вокруг них. И к этому бою мы подготовились.

Началась двухдневная жара споров и поток согласований — неизменные спутники всяких комиссий.

Хотя мы и вваливались на заседания все трое, вместо одного, полагавшегося по конституции комиссии, хотя мы иногда и подавали, как бы невзначай, благодаря этому, целые три голоса, вместо одного, но тем не менее целый ряд наших пунктов комиссия провалила. И провалила так основательно, что единственным нашим выходом явилось заседание СТО. На него вся надежда, там мы должны доказать, что с Комсомолом шутки плохи...

Отсюда вполне понятно, что весь день 1-го июля мы бегали как ошалелые: собирали телеграммы, цифры, сведения, суммировали доводы, делили между собою спорные пункты для лучшего их отстаивания и производили всякие иные подготовки своих выступлений на заседании СТО. Наконец, отправились на заседание.

Робко, нерешительно открываем дверь и один за другим проскальзываем в комнату заседаний.

Быстро скользящий взгляд по комнате невольно останавливается на блестящей, от падающих из окна лучей солнца, лысине Ильича. Он сидит в центре большого стола, представляющего как бы верхнюю черту большой буквы Т, образованной из двух столов, в центре комнаты. По краям этих столов сидят члены Совета Труда и Оборона.

Ильич, как бы в ответ, в свою очередь окидывает нас продолжительным, подмигивающим взглядом и с добродушной улыбкой, картавя, спрашивает, указывая на пустые кресла, стоящие вдоль стены комнаты:

— Вы представители Комсомола?

Оба, трудно объяснить почему именно, смущенные, как красные девицы, вплоть до опущенных век и появившейся яркой краски на щеках, и одновременно буркая что-то похожее на „да“, — занимаем по маленькому кусочку кресел.

— Следующий вопрос: о сокращении штатов подростков — доклад комиссии ВЦСПС. Кто будет

докладывать? Вы?—Ильич кидает взгляд на председателя Комиссии.—Ваше слово.

Председатель комиссии делает небольшую вступительную информацию и зачитывает проект постановления в том виде, в каком он принят комиссией, при чем этот проект имеет такое заглавие: „Постановление СТО о порядке увольнения подростков в промышленности“.

После окончания зачитывания, Ильич бросает председателю комиссии вопрос:

— А разве на транспорте сокращение не проводится?

Богданов, председатель ВСНХ, дает утвердительный ответ.

— Тогда припишите, и на транспорте,—обращается Ильич к рядом с ним сидящему секретарю заседания.

Дальше Ильич выражает свое недовольство тем обстоятельством, что в проекте слабо разработаны мероприятия борьбы с безработицей подростков.

Мы с Дунаевским, что называется, растем. Мозг сверлит победная мысль:

— Что, попали? Вот Ильич-то, он вам сейчас покажет, как не принимать наши предложения. Ага? Жарко стало? Ну, ладно, на следующий раз податливей будете.

Эта мысль окрыляет, и я поднимаю руку. Ильич скользит по моей, торчащей в воздухе, руке и проносит:

— Слово имеет представитель Комсомола.

Встаю. Только что бывшее боевое настроение как-то сразу улетучивается, и вся моя речь, долженствовавшая раскрошить комиссию, с ее никуда негодящимся без наших пунктов, проектом,—сводится... к самому простому, сухому сообщению, что у нас есть ряд пунктов, не принятых комиссией, которые мы пришли выдвинуть непосредственно на обсуждение СТО, и что поэтому мы предлагаем обсуждение проекта вести по пунктам.

Ильич возвестил:

— Переходим к обсуждению проекта по пунктам. Читайте первый пункт.

Председатель комиссии зачитал первый пункт, основная мысль которого сводилась, примерно, к следующему: не надо брать курса на массовое увольнение подростков (пункт этот с пеной у рта на комиссии протащили мы и, ей-ей, я и сейчас не знаю, что мы хотели им сказать).

— Мне кажется, что увольнение подростков можно регулировать без всяких курсов. Есть ли поддерживающие этот пункт? Нет. Переходим к следующему.

Это неожиданное заявление Ильича так на нас подействовало, что мы не успели и рта открыть, как председатель дочитывал уже второй пункт, принятый заседанием единогласно.

В сознании отдельным блеском отложилась мысль: „Вот так-на. Один засыпали“.

Следующий пункт, посвященный организации из безработных подростков уборочных отрядов для

работы в деревне, вызвал возражение со стороны Аванесова, тогдашнего Наркома РКИ.

Но Ильич высказался за оставление этого пункта, и пункт был оставлен. При чем весьма характерно то, что мы и к этому пункту подходили с той точки зрения, что подросткам надо получить работу, а Ильич к нему подошел совершенно иначе. Главенствующим в его доводах было: необходимость деревенского воздуха рабочим подросткам, другими словами, забота об их здоровья.

Остальные пункты проекта почти не вызвали возражений и были заседанием приняты.

Очередь дошла до наших поправок. Первым слово получил я.

На моей обязанности лежало протащить два пункта: первый, кажется, о выделении подростков в особую группу для лучшего и более быстрого получения ими пособия из Биржи Труда и второй—о перераспределении рабочей силы подростков внутри предприятий, что, по нашему, должно было вылиться в форму перевода подростков с черных работ на квалифицированные и пр.

Против обыкновения, Ильич ни мне, ни Дунаевскому не ограничил время речей. Его прищурившийся левый глаз и все та же добродушная улыбка, как бы хотели сказать нам: „Говорите, сколько хотите—все равно, ведь мы знаем, что много не наговорите“. Оно так и вышло.

Несмотря на то, что у меня были полные руки всяких бумаг, телеграмм и пр., но так, как я их

хотел использовать, мне не удалось, и, пожалуй, это и хорошо. Если бы по тем материалам ^{делал} доклад у себя в Комсомоле, о-о, часик-полтора бы „даешь“! А там я сказал в несколько минут свое первое предложение со ссылкой на соответствующие наиболее важные цифры,—и все. Это значит, что все, что называется на нашем комсомольском языке „трепотней“, отлетело, и осталась только одна стройная, дисциплинированная мысль. Вот чему сразу же научаешься, после того, как столкнешься с Владимиром Ильичем, не на большом и обширном митинге, а на деловом, маленьком заседании.

— Мне кажется, что такими решениями загружать постановление СТО не нужно. (Сейчас Ильич начал нас учить). Здесь должны быть указаны общие решения. А с этим своим предложением вы обратитесь в ВЦСПС и еще в Наркомтруд, и пусть они, в порядке обоюдной согласованности, без всякого нажима СТО, издадут такое решение. Поддерживающих это предложение нет? Переходим к следующей поправке.

На вторую свою поправку я получил совет Ильича договориться с Наркомтрудом и обещание Наркомтруда Шмидта, что такое постановление будет им издано.

На этом я вынужден был успокоиться, представив поле сражения Дунаевскому. А он, ясное дело, выступил в защиту своего Сокобурского ведомства и имел те же обязанности по следующим пунктам: о выделении Наркомпросом Главпрофобра

в центр внимания своих работ и, кажется, о создании школ фабзавуча за счет частичной ликвидации школ II ступени.

Успехи выступления Дунаевского были те же. Его Ильич направил в Наркомпрос, дабы последний в своем наркоматском порядке обсудил эти вопросы и вынес свое заключение.

После этого проект постановления был утвержден в целом, и мы, попрощавшись с Ильичем, отправились восвояси.

Советы Ильича оказались чрезвычайно для нас полезными. Они подтолкнули нас, и не прошло какой-нибудь недели, как по всем вопросам, для нас тогда представлявшимся неясными, мы имели точные и ясные решения.

И только тогда мы поняли, насколько нам дорог Ильич, битых полчаса разъясняющий безусым мальчишкам, куда и как им обратиться со своими недоуменными вопросами.

Его-то мы сочли сразу правым, а вот с комиссией я, пожалуй, не согласен и сегодня...

Так, два года назад, Комсомол учился у Ильича, в Совете Труда и Оборона.

А. Безыменский

У „ИЛБИЧА“.

Осенние дни. Но солнце еще тепло, небо ясно. На улицах Москвы обычная суeta и шум.

В одном из громадных домов одного из переулков Мясницкой десятки юных голосов гулко отдаются в высоте больших комнат и корридоров.

Здесь происходит первый всероссийский съезд союзов молодежи

Шумно, весело, радостно.

Вот открывается съезд, текут пылкиe приветственные речи, гремят рукоплескания.

Но редко приходится видеть восторг, какой проявился у юных пролетариев при предложении выбрать в почетные председатели съезда нашего вождя, нашего друга и учителя—товарища Ленина. С тем же восторгом приняли предложение послать к нему представителей съезда для приветствия.

Эта почетная роль выпала на долю президиума съезда.

Помню ясно, как волновались мы, члены этого президиума. Собрались вместе и начали обсуждать это великое предприятие.

— Но как мы подойдем к нему, как говорить будем? — волновался кто-то.

— Кажись радостно, а душа под тротуар убежала, — вторил другой.

Этот вопрос нас очень занимал. Кто будет говорить от лица съезда: все или один? Кто скажет? Что скажет?

Наконец, решили поручить миссию „докладчика“ тов. Цетлину.

— Целую ночь спать не буду, — объявил он. — Авось что-нибудь и придумаю.

На следующий день отправились. Но оказалось, что как раз сегодня „Ильич“ принять нас не может. Позвонив в Кремль из Ц. К. партии узнали, что надо притти завтра к 12 часам.

Снова день и ночь волнения. Проведя утреннее заседание съезда, отправляемся, наконец, в Кремль. Сами шутим друг над другом, но у каждого, что называется, поджилки трясутся.

Пришли, вошли в приемную. Конечно, оказалось, что опоздали. Но сообщили, что после доклада какого-то товарища т. Ленин все-таки нас примет.

Ждем, волнуемся.

— Ничего, — говорит Лазарь Шацкий Цетлину, — я буду возле тебя. Если начнешь чушь городить, я тебе ногу отдавлю, все же спокойнее будет...

Смеемся, волнуясь.

Наконец... гуськом тянемся в кабинет „Ильича“. Цетлин впереди.

Бросив несколько слов кому-то уходившему, оборачивается к нам т. Ленин. Просто одет, из кармана торчит длинное теплое кашнэ, улыбается, здоровается. Уселись.

„Ильич“, наверно, понимает наше состояние. Едва только Цетлин выдавливает из себя несколько слов, как он его перебивает.

Через минуту от нашего волнения не остается и следа. Он, вождь всемирного пролетариата, такой близкий, чуткий и внимательный с нами.

Цетлин гордо выкладывает, что съезд постановил назвать Союз—Коммунистическим.

— Дело не в названии,—бросает „Ильич“.

— Но мы оправдаем это название!—вырывается у того.

Т. Ленин радостно улыбается в ответ.

Расспрашивает нас о количестве членов Союза, о составе съезда, о классовом составе членов организаций.

— Насчет интеллигенции поосторожнее, — советует он.

— Сколько девушек на съезде,—спрашивает „Ильич“, обращаясь к Герр.

Тут словно кто-то дернул меня за язык.

— Девять штук,—выпаливаю я.

Все рассмеялись. Герр из-за спины Дугачева грозит мне кулаком.

Много еще деловых вопросов предлагает т. Ленин. Советует связаться с Западом, обещает дать будущему ЦК журналы молодежи, выходящие на Западе.

— А как у вас с финансами?—спрашивает нас.

— Финансы в проекте. В наличии — ничего.

Т. Ленин берет бумагу и пишет что-то.

— Это к Свердлову, — говорит он.

Подымаемся, прощаемся и уходим, обласканные великой душой великого человека.

Он первый протянул нам руку духовной и материальной помощи. Он понял великие стремления молодежи.

Пусть помнит каждый юный пролетарий слов тов. Ленина:

— Дело не в названии.

Каждый завтрашний
ленинец
должен прочесть
книгу
ИЛЬИЧА

„Речи и статьи о молодежи“

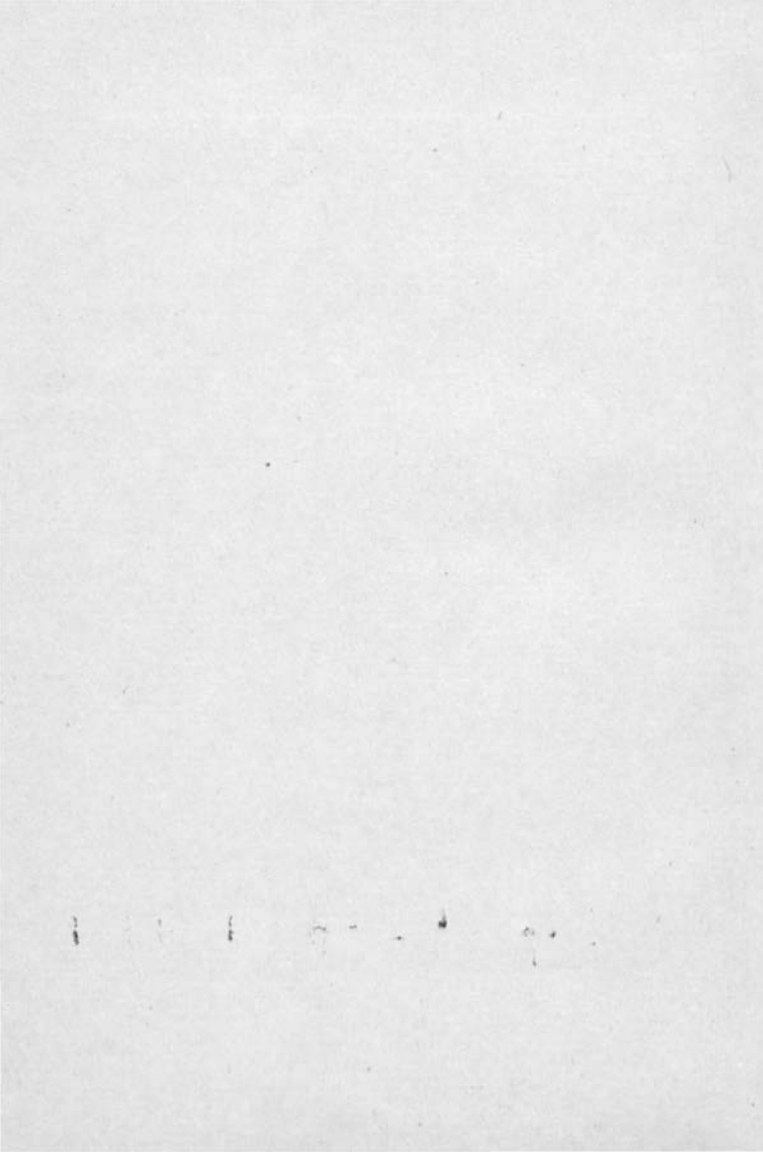
Изд. „Молодая Гвардия“ при ЦК РКСМ.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Лазарь Шацкий.—Ильич и союз.....	3
Ф. Плясунов.—У Ильича в СТО.....	10
А. Безыменский.—У „Ильича“.....	19

с заказами обращаться
В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
Москва, Старая пл., д. 10/4
ДЛЯ ЛЕНИНГРАДА и С.-З. ОБЛАСТИ
Ленинград, В. О., 5-ая линия, д. 28

Акт. 362. 64.

2011122014